

А. В. Головнёв, Т. С. Киссер
ЭТНОПОРТРЕТ ИМПЕРИИ
В ТРУДАХ П. С. ПАЛЛАСА И И. Г. ГЕОРГИ*

УДК 929:39(470)

ББК 63.401(2)

Становление науки, называемой антропологией, этнологией и этнографией, обычно связывается с успехами европейского эволюционизма в середине XIX в. Однако на столетие раньше в России родилось народоведение – в течение XVIII в. этнография вызревала как самопознание многонациональной империи. Решающую роль сыграла инициированная Герхардом Миллером и поддержанная Екатериной II академическая экспедиция 1768–1774 гг. с участием Петра Палласа и Иоганна Георги. Путешественники отправлялись в экспедицию натуралистами, а возвращались этнографами, вырабатывая в ходе непосредственных наблюдений методы сравнения и систематики народов и культур. Дополнительным толчком к становлению науки стали визуальные проекты с использованием этнографических коллекций Кунсткамеры: «парад народов» при Анне Иоанновне и публикация рисунков костюмов народов России при Екатерине II.

Ключевые слова: *этнография, антропология, народ, Российская империя, путешествие, академическая экспедиция*

Общеизвестно, что наука, называемая сегодня антропологией, этнологией и этнографией, родилась в середине XIX в. в лоне европейского эволюционизма и, как обычно, с некоторым запозданием достигла России. Это постулируется в учебниках по этнологии для университетов Германии, России, США и других стран. Например, в учебнике Московского университета раздел «Становление науки этнологии» открывается фразой: «Этнологическая наука сформировалась как самостоятельная отрасль знания в середине XIX в.»¹ Немецкий учебник университетов Гёттингена и Мюнхена содержит сходное утверждение: «Институционализация антропологии на фоне естественных наук произошла в конце XIX и начале XX вв. благодаря трудам ряда основоположников (Бастиана, Боаса, Риверса, Малиновского)».² Англоязычные тексты

содержат вариации на ту же тему, связывая рождение антропологии и этнологии с выходом в свет «Der Mensch in der Geschichte» Адольфа Бастиана в 1860 г., «Primitive Culture» Эдуарда Тайлора в 1871 г., «Ancient Society» Льюиса Генри Моргана в 1877 г.

Эти «свидетельства о рождении» сталкиваются с неудобным фактом появления фундаментальных трудов по народоведению в России веком ранее. Речь идет о сочинениях Герхарда Фридриха Миллера, Петра Симона Палласа и, особенно, о четырехтомном труде Иоганна Готлиба Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (1776–1780), изданном на немецком и русском языках. В «Истории русской этнографии» С. А. Токарев охарактеризовал труд Георги как «первую сводную этнографическую работу — обзорное описание всех народов России, описание их хозяйства, образа жизни». В Европе сопоставимая по масштабам работа К. Чернига «Этнография Австрийской монархии» появилась почти на столетие позже, в 1855–1857 гг.³ Сегодняшние исследователи вторят Токареву, когда толкуют об истоках отечественного народоведения,⁴ однако по-прежнему видят в этом некий частный российский случай вне общего русла развития

¹ Этнология. Учебное пособие. М., 2006. С. 9.

² Heidemann F. Ethnologie. Eine Einführung. Göttingen, 2011. S. 16.

Головнёв Андрей Владимирович – чл.-корр. РАН, г.н.с.,
 Институт истории и археологии (г. Екатеринбург)
 E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Киссер Татьяна Сергеевна – магистрант кафедры
 этнологии, антропологии, археологии и музеологии,
 Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск)
 E-mail: tkisser@bk.ru

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ-14-01-00413 «Антропология путешествия в этноисторическом контексте»

³ Токарев С. А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. 2-е изд. М., 2012. С. 103; Он же. Первая сводная этнографическая работа о народах России // Вестник Московского университета. 1958. № 4. С. 113.

⁴ Загребин А. Е. И. Г. Георги и первая сводная монография по этнографии народов России // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 155–159.

науки. Даже в учебнике Г. Е. Маркова «Немецкая этнология» имен П. С. Палласа и И. Г. Георги нет ни в тексте, ни в списке литературы.⁵ Видимо, российские академики-немцы XVIII в. представляются не теми персонами, которые могут претендовать на звание отцов-основателей наук.

Империя интересуется собой

То, что произошло с Россией в XVII в., до сих пор вызывает смешанное с недоумением восхищение историков: она превратилась в огромную империю, совершив стремительный рывок на восток и раскинувшись на всю Северную Евразию. Еще в начале века, в период Смуты, англичане, голландцы и другие европейцы рассматривали Московию как территорию колонизации, а к концу столетия Россия сама превратилась в мощную метрополию с громадным пространством колоний.⁶ Если прежде просторы и ресурсы России обозревали заинтересованные иностранцы (Сигизмунд фон Герберштейн, Джером Горсей, Исаак Масса, Адам Олеарий, Августин фон Майерберг и др.), а отечественные описания следовали преимущественно летописной и житийной традициям, то в начале XVIII в. обозначилась имперская идея и сопровождавшая ее установка на самопознание и самоопределение.

Петр I не случайно выражал особое расположение Николаасу Витсену, бургомистру Амстердама, принимавшему его в ходе Великого посольства в 1697–1698 гг. и взявшему на себя труд составления карты и свода сведений о Тартарии (в том числе о России). В свою очередь Витсен многозначительно посвятил свой труд «Северная и Восточная Тартария» Петру I. Правда, книга Витсена, опубликованная в 1692 и 1705 гг. небольшими тиражами на голландском языке, долгое время оставалась достоянием интеллектуалов.⁷ Кроме того, Витсен, хоть и бывал в России, составил карту и книгу как компилятивный свод сведений, полученных от разных людей в разное время, а также выдержек из прежних публикаций. Участие Витсена в самопознании империи выразилось не только в издании «Тартарии»,

но и во взаимодействии с представителями российской элиты, прежде всего с Андреем Виниусом, оказавшим существенное влияние на развитие российской картографии и орографии.⁸

В России практика изучения империи на европейский манер утвердилась благодаря трем шагам Петра I — созданию в 1714 г. Кунсткамеры, отправке в 1719 г. врача Даниэля Мессершмидта в сибирскую экспедицию и учреждению в 1724 г. Академии наук и художеств. Сегодня эти шаги могут казаться этапами выверенной стратегии, однако в свое время они были интуитивными поисками, внешне напоминавшими царские причуды и «модничанье». Смерть императора в 1725 г. обрекла вернувшегося в 1726 г. из многолетнего путешествия Мессершмидта на недоразумения в отношениях с Кунсткамерой и Академией, на арест с конфискацией его научных материалов и последующее прозябание.⁹ Это был первый казус развернувшейся немецкой конкуренции за право познания России внутри самой России: Петербургская Академия была создана под началом немца Л. Блюментроста, состояла преимущественно из немцев и говорила по-немецки, но ревниво отнеслась к успехам немца Мессершмидта, опередившего Академию в своих изысканиях. Впрочем, дух конкуренции послужил во благо российской науке: в академиках-немцах можно усматривать интеллектуальных наемников или агентов научной колонизации, но именно их труды стали фундаментом отечественной науки и создали атмосферу научных дискуссий и поисков, в которой выросли первые русские ученые-просветители Василий Никитич Татищев и Михаил Васильевич Ломоносов.

Огромный фонд записей Мессершмидта долго оставался неизданным, но его дневниками из архива Академии пользовались многие исследователи, в том числе П. С. Паллас и И. Г. Георги. Удачливее Мессершмидта оказался его «сердечный друг» и спутник по экспедиции Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг, немец на шведской службе, попавший в русский плен под Полтавой и проведший тринадцать лет в сибирской ссылке. Путешествуя с Мессершмидтом, Страленберг заочно конкурировал с Витсеном, которого

⁵ Марков Г. Е. Немецкая этнология. Учебное пособие для вузов. М., 2004.

⁶ См.: Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 488–535.

⁷ Русский перевод: Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / Пер. с голл. В. Г. Трисман. Т. 1–3. Амстердам, 2010.

⁸ См.: Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария // Витсен Н. Указ. соч. С. 55–73.

⁹ См.: Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск, 2001. С. 15–25.

беспощадно критиковал и настойчиво перепроверял. Составив карту России, Страленберг назвал ее, в подражание Витсену, «Великая Тартария» (*Tartaria Magna*) и книгу свою озаглавил в стиле Витсена — «Северная и восточная часть Европы и Азии». Изданный в 1730 г. в Швеции на немецком языке, труд Страленберга стал основным пособием по России для европейцев, превзойдя по популярности книги предшественников, включая Витсена.¹⁰

Синхронно с Мессершмидтом и Страленбергом историей народов России увлекся В. Н. Татищев. Он, как и Страленберг, сражался под Полтавой, но на другой стороне. Дальнейшие их пути, в том числе творческие, были в чем-то сходны и синхронны. Примерно в одно время они оказались на границе Европы и Азии: Страленберг — в составе экспедиции Мессершмидта, Татищев — по обустройству горного дела на Урале. Почти одновременно, в начале 1720-х гг., оба выехали в Швецию: Страленберг — как репатриант после заключения Ништадтского мира, Татищев — с дипломатической миссией. В одно время они завершили свои капитальные труды: Страленберг — «Северную и восточную часть Европы и Азии», Татищев — «Историю Российскую». Правда труд Страленберга был вскоре (в 1730 г.) опубликован, а Татищева — надолго остался рукописью и был издан, благодаря стараниям Г. Ф. Миллера, в 1768 г., через 18 лет после смерти автора. По всей видимости, Татищев был и первым переводчиком книги Страленберга на русский язык.¹¹ В «Истории» Татищева обнаруживается немало общего с сочинением Страленберга: первые части обоих трудов посвящены происхождению и толкованию названий народов (начиная со скифов, сарматов и др.).

В 1720-е гг. ученостью (в европейском смысле) русские не блистали, и в Академию не пригласили даже Татищева, хотя речь о его исторических штудиях и архивах время от времени заходила. Да и сам Татищев не питал иллюзий по поводу просвещения отечества. Когда в 1724 г. он по поручению Петра I отправлялся в Швецию, лейб-медик Блюментрост просил его разузнать о возможных кандидатах в Академию, на что Татищев возразил: «Напрасно ищите семян, когда земли, на которую сеять, не приготовлено».

Как заметил историк Академии П. П. Пекарский, в начале XVIII в. «старинный русский человек смотрел подозрительным оком и даже враждебно на истины, добытые наукою».¹² Однако сам Татищев и стал той русской «почвой», на которой выросли семена европейской учености. Хотя народоведением он занимался больше на практике, улаживая отношения с башкирами и калмыками, в его «Истории» присутствуют информативные excursus в этнографию (например, славян, башкир, калмыков). Наибольшее значение для последующего становления отечественного народоведения имела его анкета «Предложения к сочинению истории и географии российской», составленная в начале 1730-х гг. Второй и третий разделы анкеты содержали 53 вопроса этнографического характера главным образом относительно идолопоклонников и магометан.¹³ В 1734 г., не дождавшись одобрения Академии, Татищев послал анкеты в Казанскую и Сибирскую губернии, где их заполняли подчиненные ему по службе офицеры: надзиратель лесов Иван Куроедов делал записи языка вогулов, горный надзиратель Федор Неклюдов составил описание черемисов Верхотурского уезда, бергмейстер Никифор Клеопин собрал сведения о жителях Забайкалья.¹⁴

В те же годы на поприще российской истории восходила звезда еще одного немца на русской службе — Герхарда Миллера. Еще недавно Страленберг старался затмить Витсена, и вот уже Миллер пошел на штурм авторитета Страленберга (в «Истории Сибирского царства» Миллера все ссылки на Страленберга носят критический характер). В поисках признания он устремился в Камчатскую экспедицию 1733 г. и собрал огромный материал по истории Сибири, в том числе о населяющих ее народах. В 1740 г., когда ревниво следившие за его успехами деятели Академии и Сената послали ему на замену адъютанта Иоганна Фишера, Миллер подготовил своему сменщику такую инструкцию, что Фишер с ней просто не справился. Однако именно эта грандиозная программа стала методической базой для позднейшей систематики народов.

¹² Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. XIII. Он же. Указ соч. Т. II. Л.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149. Л. 407–409.

¹⁴ См.: Бородаев В. Б., Контев А. В. Анкетные материалы В. Н. Татищева: история создания публикуемых источников // Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сборник документов. СПб., 2010. С. 8, 9.

¹⁰ Там же. С. 77.

¹¹ Страленберг Ф. И. Северная и восточная часть Европы и Азии. Т. 1. М.: Л., 1985. С. V.

Программа включала шесть разделов и 1287 пунктов. Шестой раздел «Об описании нравов и обычаев народов» состоял из 923 пунктов (статей) и дополнялся приложениями, в том числе: (1) О ланд-картах (63 пункта); (2) О рисунках (30 пунктов); (3) О собирании различных предметов для Кунсткамеры (16 пунктов); (4) Словарь, по которому надлежит собирать материалы по языкам и диалектам.¹⁵ По оценке А. Х. Элерта, эта поражающая своей широтой и основательностью программа до сих пор не имеет аналогов в отечественной науке. По возвращении из экспедиции в середине 1740-х гг. Миллер в предисловии к «Описанию сибирских народов» впервые обозначил народоведение (в его формулировке «всеобщее описание народов») как науку будущего: «Немалая часть истории... состоит во всеобщем описании народов земного круга, которое по сие время от большей части в худых руках было и к числу настоящих наук ни от кого еще не причтено».¹⁶

Исследовательские успехи Миллера и других участников Великой Северной экспедиции (И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, В. Беринга, С. Г. Малыгина, Д. Л. Овцына, Х. П. Лаптева и др.) взбудоражили двор императрицы Анны Иоанновны. Наука о народах только нарождалась, но императорский двор уже принялся играть в многонародность (примечательно, что придворные игрища в очередной раз, как неоднократно при Петре, стали зародышем большой стратегии). На 6 февраля 1740 г. была назначена «потешная свадьба» придворного шута кн. М. А. Голицына с шутихою А. Н. Бужениновой (калмычкой). Программа увеселений включала шествие народов Российской империи. Идея «народного маскарада» происходила из желания показать поступившие в Кунсткамеру от Великой Северной экспедиции диких народов наряды неведомых доселе народов. «Высочайшим распоряжением» от 27 декабря 1739 г., разосланным во все концы России, предписывалось срочно прислать в Петербург по паре всех «инородцев» (шутовское шествие множества красочно одетых туземцев империи по улицам Петербурга казалось Анне Иоанновне весьма смешным).¹⁷ Впрочем, императорские забавы готовились серьезно: Академии наук было по-

ручено «подлинное известие учинить о азиатских народах, подданных ее императорского величества, и о соседях, сколько оных всех есть, и которые из них самовладельные были, и как их владельцы назывались, со описанием платья, в чем ходят, гербов на печатях или на других, на чем и на каких скотах ездят, и что здесь в натуре есть платья и таких гербов, и например: мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, якуты, камчадалы, отяки, мунгалы, башкирцы, киргизы, лопари, кантыши, каракалпаки, арапы белые и черные, и прочие, какие есть, подданные российские».¹⁸ Очевидец потешной свадьбы В. А. Нащокин отмечал, что в шутовскую процессию, кроме «разноязычников», были включены и «ямщики города Твери», которые «оказывали весну разными высвистами по-птичь».¹⁹ Генерал Х. Г. фон Манштейн (тоже очевидец свадьбы) утверждал, что праздник был задуман с целью показать, сколько различных народов обитает в России.²⁰ «Парад народов» на придворной «этносвадьбе» (пусть и шутовской) был свидетельством реального интереса правителей и жителей России к многочисленным народам обширной империи.

Миллер в потешной свадьбе не участвовал, находясь в Сибири. Зато десять лет спустя ему суждено было не на шутку столкнуться с Ломоносовым в судьбоносной для национальной идеи России и для отечественной историографии полемике о происхождении Руси. 25 ноября 1749 г. Миллер готовился выступить с диссертационной речью «Происхождение имени и народа российского» на публичном собрании Академии в честь вступления на престол Елизаветы. Однако по указу Канцелярии Академии он был лишен слова, а его диссертация подверглась разгромной критике Ломоносова и обсуждению на 29 заседаниях Чрезвычайного собрания академиков (с октября 1749 г. по март 1750 г.).²¹ Дуэль Миллера и Ломоносова положила начало бесконечной полемике между норманистами и антинорманистами, благодаря чему русская история и идеология обрела этнизированный

¹⁵ См.: Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 25.

¹⁶ Там же. С. 29, 30.

¹⁷ См.: Анисимов Е. В. Женщины на Российском престоле. СПб., 2008. С. 57.

¹⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4. СПб., 1886–1887. С. 276.

¹⁹ Нащокин В. А. Записки // Империя после Петра (1725–1765). М., 1998. С. 258.

²⁰ См.: Манштейн Х. Г. Записки о России // Перевероты и войны. М., 1997. С. 158.

²¹ Подробнее см.: Головнёв А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М., 2004. С. 476–485.

ракурсе (относительно роли варягов и славян). Национальная идея (или национальный миф) часто рождается в противоборстве, однако роль противника, или спарринг-партнера, в итоге оказывается скорее креативной, чем негативной. Академики-немцы, и прежде всего Миллер, сыграли эту роль блестяще, выступив сначала наставниками, а затем оппонентами нарождающейся российской национальной идеологии. Русско-немецкий интеллектуальный диалог стал «лабораторией» русской/российской идентичности. При Елизавете Миллер проиграл, но он дождался своего реванша, когда на престол взошла немка Екатерина и он участвовал в подготовке ее манифеста.

П. С. Паллас: ракурс народоведения

В 1767 г. Екатерина II, будучи в Москве по делам «Уложенной комиссии», узнала от Г. Ф. Миллера и О. Эпиунса о приближающемся прохождении Венеры по диску Солнца в 1769 г. Камер-юнкеру В. Орлову, новоиспеченному директору Академии наук, было дано поручение, чтобы Академия «срочно выяснила, какие места в России наиболее выгодны для наблюдений, и позаботилась о строительстве там обсерваторий, о приобретении инструментов, о приглашении недостающих астрономов и подготовке помощников из морских офицеров». ²² Вскоре к астрономии добавилась «история натуральная»: в письме Орлову академики предложили «при каждой (астрономической) экспедиции отправить по одному искусному человеку в истории натуральной, чтобы натуралист испытывал и описывал в упомянутых и мало еще известных странах земные произведения». ²³ Указом Екатерины II в числе задач для «испытателей природы» значились исследования: «о необработанной земле и ненаселенном месте, уповательно с пользою назначено быть может к хлебопашеству всякого рода хлеба, также к разведению винограда, хмелю, льну или табаку, или к другому чему»; «экономию населенных мест, их недостаточности, выгод в особых обстоятельствах, причем каждому позволяется объявить свое мнение, каким образом есть что поправить для полу-

чения большей пользы»; «о размножении заводов, а особливо для шерсти, также о разведении пчел»; «о употребляемых способах ловли рыбы, также о звероловстве, звероловных ловушках, о охотничьих инструментах»; «о полезных изобретениях». ²⁴ Как видно, задуманная при участии Миллера масштабная академическая экспедиция была обращена не столько к небу, сколько к земле — природному, экономическому и культурному достоянию Российской империи. Академия наук снарядила пять отрядов экспедиции, которые возглавили П. С. Паллас, И. И. Лепёхин, С. Г. Гмелин, И. А. Гильденштедт, И. П. Фальк (позже И. Г. Георги).

В 1767 г. 26-летний профессор зоологии Паллас был приглашен в Россию и избран в академики, а на следующий год он уже пустился в путешествие по неведомой ему стране (прежде он мечтал о Южной Африке и Южной Азии, но на его долю выпала Россия). Паллас стал неформальным лидером всей экспедиции, а его куратором в подготовке программы исследований выступал Миллер. ²⁵ Отряду Палласа Академия наук поручала: «Исследовать свойства вод, почв, способы обработки земли, состояние земледелия, распространенные болезни людей и животных и изыскать средства к их лечению и предупреждению, исследовать пчеловодство, шелководство, скотоводство, особенно овцеводство. Затем обратить внимание на минеральные богатства и минеральные воды, на искусства, ремесла, промыслы каждой провинции, на растения, животных, на форму и внутренность гор и, наконец, на все отрасли естественной истории. Заняться географическими и метеорологическими наблюдениями, астрономически определять положение главных местностей и собрать все касающееся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников и разных древностей». ²⁶

Согласно инструкции, в которой народоведческие задачи стояли на последнем месте, Паллас начал свое путешествие как исследователь-натуралист, и первые страницы его дневника заполнены описаниями флоры, фауны и минералов. При этом он сразу взялся за выполнение наказа императрицы об

²² Копелевич Ю. Х. Екатерина II и Академические экспедиции 1768–1774 гг. // Междунар. конф. «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: тез. докл. СПб., 1996. С. 41.

²³ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 2: 1744–1770. СПб., 1899. С. 596, 597.

²⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 1. Л. 3–4.

²⁵ См.: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Общий обзор изучения народности и этнография Великоорусская. Т. 1. СПб., 1890. С. 255.

²⁶ Ефремов Ю. К. П. С. Паллас // Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959. С. 137, 138.

«экономии населенных мест». Например, по пути из Петербурга в Москву у деревни Ижора он размышлял, как лучше использовать по шведскому опыту заросли «белокрыльника», у Крестецкого яма предлагал собирать булыжник для мощения дорог, в окрестностях Симбирска рассуждал о пользе удобрения волжских черноземов меловым мергелем, в Башкирии радел о сбережении лесов от пожаров.²⁷

Проблески этнографического интереса проявляются у Палласа при описании реликвий Касимовского ханства. В рапорте Академии наук он отметил, что ханская гробница показала ему «самым достопримечательным из всех уцелевших в Касимове татарских памятников».²⁸ Оказавшись затем в мордовских селах Пилокошево и Шидень, он уже пристально всматривается в самобытную культуру местного населения, детально описывая женскую одежду и украшения, различая «мокшанцев и ерзанцев» по одежде, языку, внешности. Наблюдая чувашей в деревне Черемшана, он сравнивает чувашскую одежду с татарской и мордовской, а в языке чувашей обнаруживает «много слов от татар». Яицких казаков Паллас сопоставляет с запорожцами (которые грубы, вольны, своенравны и беспощадны) и характеризует их промыслы и нравы: «Яицкие казаки как в правлении, так и в житии совершенно вольны. Молодые люди почти всегда препровождают дни в забавах, и многие казаки вдались в праздность и пьянство. Женский пол так же любит увеселение, и кажется, что имеет склонность к щегольству и любви».²⁹

«Этнографический сдвиг» в дневнике Палласа приходится на встречу с калмыками, которых он характеризует не только обстоятельно, но и с явной симпатией: «Нравы сих жителей во многих делах показались мне лучше, нежели как многие путешественники их описали. По крайней мере они в том гораздо превосходнее других степных народов. Все те народы, которые имеют своевольную и степную жизнь, от природы склонны к праздности, но калмыки по их бодрому духу действительно могут назваться трудолюбивыми».³⁰

Наряду с интересом рождаются исследовательские приемы, первым из которых оказывается стихийно проявляющийся у каждого путешественника сравнительный метод. Народ, который привлек особенное внимание (или произвел яркое впечатление), становится упоминаемым (референтным) в последующих описаниях и сравнениях. Для Палласа одним из референтных народов стали калмыки (не исключено, что повышенный интерес к ним связан не только с его личными впечатлениями, но и с научным наследием Миллера, который в свое время посвятил калмыкам свою первую статью о народах России³¹). На калмыков следуют ссылки при описании не только соседних, но и отдаленных народов: «Киргизы по обыкновению других степных Азиатских народов живут в войлочных кибитках, которые от калмыцких разнятся только тем, что обыкновенно бывают гораздо больше и чище»; «многочисленный киргизский народ живет в неограниченной вольности в сравнении калмыков, которые так много малых властителей над собою имеют»; «все почти вогульцы ростом малы, нежны и лицом, выключая белизну, несколько на калмыков похожи».³²

«Этнографический сдвиг» выразился не только в описаниях самого Палласа, но и в работе всей его «Странствующей академии» (так называли отряд Палласа, включавший студентов В. Ф. Зуева и Н. П. Соколова³³). По составленной им инструкции студент Василий Зуев выполнил впечатляющее обстоятельностью исследование нижеобских остяков и самоедов. «Странствующая академия» стала полевой школой биологии и народоведения, и позднее студент В. Ф. Зуев (затем адъюнкт, а с 1787 г. академик) выступил переводчиком сочинений Палласа.

По канонам эпохи, знакомство с народом и его описание начиналось с вопроса о вере, и Паллас первоочередное внимание уделял религии: «У чуваш мне рассказали следующие имена божков: Креметь (Тор), Сюродон, Сир, Сиюлерен-Прзене, Хирлзир, кроме которых есть еще много других. Достоин примечания то обстоятельство, что столь многим божкам приписывают одну богиню и одного сына»; «У мокшанцев бог именуют Шкай (небо),

²⁷ См.: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 4, 11; Ч. 2, кн. 1. С. 42.

²⁸ Научное наследие П. С. Палласа. Письма 1768–1771 гг. / сост. В. И. Осипов. СПб., 1993. С. 32.

²⁹ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 1. С. 82, 83, 107, 135, 417.

³⁰ Там же. С. 458.

³¹ См.: Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 2005. С. 27.

³² Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 1. С. 570, 578; Ч. 2., кн. 1. С. 329.

³³ См.: Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII – XVIII вв.). Т. 1. Новосибирск, 2007. С. 228.

и так же, как прочие чюдские народы, оборотясь лицом на восток, ему молились. Они имели особливые свои жертвенники в отдаленных местах в лесу, и там приносили жертву лошадей, быков и малой скот». ³⁴ Со слова «бог» на 200 языках Паллас начинает и свои «Сравнительный словарь всех языков и наречий», составленный по образцу *Tabula polyglotta* Страленберга (но существенно полнее) и опубликованный при поддержке Екатерины II в 1787 г. ³⁵

Путешествие Палласа по Российской империи продолжалось шесть лет (1768–1774) и превысило 27 тыс. верст. В 1793–1794 гг. он посетил южные наместничества России и Крым. ³⁶ Он провел в России более 40 лет, но умер там же, где родился, — в Берлине. Сочетая естественнонаучную систематику и этнографическую эмпирику, Паллас придал академической экспедиции выразительный народоведческий ракурс и создал основу и условия для составления этнографического свода Российской империи.

И. Г. Георги: систематика народов

В связи с болезнью и самоубийством И. Фалька руководство одного из отрядов академической экспедиции было передано Иоганну Георги, ученику и протеже К. Линнея. Как и Паллас, Георги был ученым-натуралистом и путешествовал по России в 1768–1772 гг. Он побывал в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири и Прибайкалье среди финнов, черемисов, чувашей, калмыков, вогулов, остяков, пермяков, башкир, мордвы, мещеряков, барабинцев, киргизов, различных групп татар, телеутов, монголов, тунгусов, бурят, а также в бухарских, ногайских, армянских, индийских и других колониях. ³⁷ Паллас неизменно лестно отзывался о нем: «Господин Георги заслуживает самой высокой похвалы; я был бы не прочь и сам иметь такого компаньона, ведь я опять получил возможность говорить о науке». ³⁸ Натуралист Георги, как и его коллега Паллас, пережил «этнографический сдвиг» в ходе путешествия по империи, но этим не ог-

раничился. Имея перед глазами инструкцию Миллера, доступ к материалам Мессершмидта, Страленберга, Гмелина и других исследователей России, а также компаньона и советника в лице Палласа, Георги поднялся на новую ступень народоведения, предприняв систематизацию этнографических данных.

Четырехтомное сочинение Георги названо недвусмысленно — «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей». В его повествовании появился новый главный герой — народ, вернее народы (Георги описал 80 народов России). Это позиционирование предмета исследования есть не что иное, как становление этнографии как особой науки. «Описание» Георги представляет собой систематический этнографический свод и дает общую картину национального состава Российской империи.

Георги следует единой схеме народоописания по следующим разделам: территория, происхождение/название, внешний облик, язык, образ жизни (хозяйство), жилище, одежда, пища, дань/торговля, воспитание/нравственность, обряды жизненного цикла, религия (культы). Впрочем, не все народы охарактеризованы по каждому признаку. Чаще других приводятся описания территории (у 72 народов), одежды (65), образа жизни и хозяйствования (62), сведения о происхождении и названии (60), жилища (56). Реже представлены характеристики религии (у 49 народов), обрядов (42), внешнего облика (47), языка (46), пищи (43), дани/торговли (32), воспитания и нравственности (28).

В своей систематике Георги использует ряд критериев для объединения или распределения народов по их происхождению, территории, языку, государственно-административной принадлежности, социальному статусу, особенностям культуры и хозяйства. ³⁹ Он объединяет народы в пять групп: (1) руссы (по исторической принадлежности к ранней Руси); (2) славяне или сарматы (по происхождению и языку); (3) татары, или татарские народы (по языку); (4) народы, издревле населяющие Россию (по территории и принадлежности к государству); (5) пришельцы

³⁴ Паллас П. С. Указ соч. Ч. 1. С. 111, 142.

³⁵ Его же. Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранный десницей Высочайшей Особы (императрицей Екатериной II). Т. 1. СПб., 1787.

³⁶ См.: Берг Л. С. Географические и экспедиционные исследования Академии наук // Вестн. АН СССР. 1945. № 5/6. С. 25.

³⁷ См.: Köhler M. Russische Ethnographie und imperiale Politik im 18 Jahrhundert. Göttingen, 2012. S. 187.

³⁸ Научное наследие П. С. Палласа. С. 168.

³⁹ Подробнее см.: Киссер Т. С. Этнографические критерии в систематике народов И. Г. Георги // Приволж. науч. вестн. 2014. № 8(36), ч. 1. С. 61–64.

и поселенцы.⁴⁰ По хозяйственно-культурным признакам Георги определил три «состояния» народов — «промысловое», «скотоводческое» и «земледельческое» (в целом это распределение соответствует позднейшим хозяйственно-культурным классификациям).⁴¹

Наряду с обобщающей систематикой Георги применяет разделяющую: у 14 из 80 описанных им народов он выделяет подразделения. Например, вслед за Страленбергом, Миллером и Палласом он указывает на наличие двух «колен» у мордвы — мокшан и эрзян (по языковому признаку); ногайские татары разделяются на платящих дань (ясачных) и союзных (по социальному статусу); лопа-ри — на шведских, российских и норвежских (по государственно-административному подчинению); калмыки — на ставропольских и «мугаммеданских» (по особенностям культуры и веры). Он ссылается также на традиции внутреннего деления того или иного народа: качинских татар — на шулошское, татарское, кубанское, тубинское, мунзельское, ястынское «колена»; чукчей — на чукцкое и шелагенское «колена»; тунгусов — на лесных и степных, при этом первые в свою очередь делятся на оленеводов и рыболовов.⁴²

Георги, подобно Палласу, опирается в своей систематике на «референтные народы» (тем самым утверждая сравнительно-этнографический метод). В финской группе «опорным» народом выступают черемисы (например, в одежде, жилище и хозяйстве мордва сходна с черемисами), казанские татары и башкиры — для народов «татарского племени», якуты — для восточносибирских народов (у тунгусов одяние «сходно наиболее с якутским», в языке юкагиров много якутских слов и идолослужение подобно якутскому). Внешность калмыков используется для сравнения в описании ногайцев («лицом калмыковаты»), тунгусов (у них лицо «не столь плоское, как у калмыков»)⁴³

Труд Георги иногда называют компилятивным, поскольку он включает материалы других авторов. На самом деле это не только первый в истории науки новаторский систематический этнографический свод, но и начало

самой науки о народах. Средствами сопоставления и систематизации Георги создал «этнопортрет империи» и одновременно российское народоведение. Появление этой науки в России вполне естественно, поскольку многонациональная империя спонтанно вынашивала этнографию как код самосознания. Однако не вполне ясно, что именно подтолкнуло Георги к столь неординарному и сложному творчеству: школа Линнея, мечта Миллера, совет Палласа, распоряжение Академии наук или, как бывает в таких случаях, попутное яркое впечатление?

К созданию такого впечатления причастна Кунсткамера с ее коллекцией народных костюмов, однажды уже использованных для визуализации «парада народов» на шутовской свадьбе при дворе Анны Иоанновны. В начале 1770-х гг. родился другой визуальный проект: гравер из Нюрнберга Карл Рот создал серию изображений народов России. Их публикация в журнале «Открываемая Россия» нашла широкий отклик, в том числе пожелания сопроводить рисунки пояснительным текстом.⁴⁴ Книгопродавец К. В. Мюллер принял на себя затраты на издание, а Георги взялся за составление описаний. Коллекцию гравюр Рота не случайно называют «костюмами Георги» — эти рисунки стали иллюстрациями к «Описанию» (см. цв. вклейку).⁴⁵ Так визуальный проект подтолкнул науку: замысел альбома с картинками и поясняющим текстом перерос в дотоле невиданный иллюстрированный этнографический свод народов империи.

Ex oriente lux (свет с востока) — так можно обозначить траекторию становления российского народоведения в XVIII в. Империя создавалась с запада на восток, а познавалась с востока на запад. В свое время Витсен начал повествование о Тартарии с описания Маньчжурии, а в конце книги, после обзоров Азии, Америки, Океании и (преимущественно) России, вновь обратился к Монголии и Китаю. Это был первый в Европе азицентристский обзор, открывающийся и завершающийся Востоком.

Мессершмидт и Страленберг привезли новое знание об империи из Сибири. Миллер

⁴⁰ См.: Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. I. С. V.

⁴¹ Там же. С. IX, X.

⁴² Там же. Ч. II. С. 37, 40, 44, 49, 150; Ч. IV. С. 74.

⁴³ Там же. Ч. II. С. 30; Ч. IV. С. 26, 33, 44, 54.

⁴⁴ Соловьев Н. Русская книжная иллюстрация XVIII в. // Старые годы. 1907. Июль–сентябрь. С. 426.

⁴⁵ Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или увидеть русского дано не каждому. М., 2011. С. 48.

познал Сибирь и по-новому увидел Россию в ходе Камчатской экспедиции, одновременно вынашивая мечту о народоведении: «Многократное мое желание было, чтоб какой искусный человек из всех по нынешнее время бывших путешественных описаний, також и из описаний одних народов, по сообщенному здесь показанию предпринял намерение к сочинению всеобщего описания народов, чем бы сия материя учинилась некоторою новою наукою, от которой бы потомство вечной пользы себе ожидать могло».⁴⁶

Натуралистами отправились в путешествие на восток России Паллас и Георги, а вернулись народоведцами. Они восхищались многообразием народов империи: «Известно всякому сведущему о государствах и владениях, на земном шаре существующих, что нет на оном ни одного такого, которое вмещало бы в себя толь великое множество различных народов, как Российская Держава»;⁴⁷ «В ее [Екатерины II] одном наипространнейшем владении, не считая мало разнствующих между собой наречий, говорят более шестюдесятью языками, из коих многие, наипаче в Кавказе и Сибири, ученым поныне еще вовсе неизвестны».⁴⁸ Успех натуралистов в этнографии не случаен: они применили методы естественнонаучной систематизации для описания народов, разглядев в них такое же естество и многообразие, какое видели в природе.

Этнография рождалась не в кабинетах, а в путешествиях. При этом самые яркие результаты и прозрения приносили дальние и долгие путешествия на восток. Этнография по-русски — живая картина многонародности — создана путешественниками

XVIII в., среди которых блестящую плеяду основоположников народоведения составили Мессершмидт, Страленберг, Миллер, Паллас, Георги. Последнему довелось завершить длинную траекторию становления науки фундаментальным этнографическим сводом. По мнению Х. Фермойлена, само понятие *Ethnographie* было сформулировано в XVIII в. в связи с экспедициями в новые земли Российской империи.⁴⁹ С тех пор эта исходная традиция народоведения, несмотря на позднее влияние иных методологий, прочна и неискоренима в российской антропологии/этнологии (зарубежные коллеги не перестают удивляться тому, насколько «этнизирована» советская и российская антропология, насколько в ней популярны темы этногенеза и этнической истории).

Эволюционистские схемы XIX в., обычно оцениваемые как момент рождения науки о народах, в действительности были достижением универсальной антропологии. Антропология и этнология — не синонимы, а разные измерения науки о человеке и народе. В трудах эволюционистов XIX в. фигурировали не народы (как у российских академиков XVIII в.), а идеи развития человечества, для иллюстрации которых из разных обычаев и традиций путем нарезки и перемешивания изготавлялось блюдо эволюции от дикости к цивилизации. В отличие от антропологии, фокусирующейся на феномене человека, этнография/этнология представляет собой науку, главным героем и предметом которой выступает народ. В этом измерении рожденная в XVIII в. российская классическая этнография существенно расходится с рожденной в XIX в. европейской классической антропологией.

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

Tatiana S. Kisser

The undergraduate of Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and Muzeologiya, Omsk State University of F. M. Dostoyevsky (Russia, Omsk)
E-mail: tkisser@bk.ru

⁴⁶ Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. С. 30, 31.

⁴⁷ Георги И. Г. Указ. соч. Ч. I. С. V.

⁴⁸ Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Высочайшей Особы (императрицей Екатериной II). Т. 1. СПб., 1787. Предисл.

⁴⁹ Фермойлен Х. Ф. Происхождение и институционализация понятия *Völkerkunde* (1771–1843). Возникновение и развитие понятий «*Völkerkunde*», «*Ethnographie*», «*Volkskunde*» и «*Ethnologie*» в конце XVIII и начале XIX веков в Европе и США // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 101, 107.

ETHNO-PORTRAIT OF EMPIRE IN THE WRITINGS
BY PETER PALLAS AND JOHANN GEORGI

The emergence of science called anthropology, ethnology, and ethnography is usually referred to the successes of European evolutionism in the mid 19th century. However, about century earlier the science on peoples has appeared in Russia in a course of academic expeditions and works of academician-Germans who introduced the methods of European science to the Russian ground. In duration of 18th century the ethnography in Russia has been maturing as a self-awareness of the multinational empire. The pivotal role has been played by Peter Pallas, Johann Georgi and other participants of the academic expedition 1768–1774 initiated by Gerhard Miller and supported by Empress Catherine II. The travelers began their explorations as naturalists but returned as ethnographers elaborating methods of cultural and ethnic comparison and systematization in the direct field observations. An impetus to ethnography has been also given by visual projects based on Kunstkamera collections such as “parade of peoples” in the years of Empress Anna Ioannovna and publication of pictures with costumes of Russia’s peoples in the years of Empress Catherine the Great.

Key words: *ethnography, anthropology, folk, Russian Empire, travel, academic expedition*

REFERENCES

- Bakhrushin S. V. *G. F. Miller kak istorik Sibiri* [G. F. Miller as historian of Siberia]. Miller G. F. *Istoriya Sibiri*. Vol. 1. Moscow.: Vostochnaya literature Publ, 2005, pp. 17-65. (in Russ.).
- Berg L. S. *Geograficheskie i ekspeditsionnye issledovaniya Akademii nauk* [Geographical and forwarding researches of Academy of Sciences]. *Vestnik AN SSSR*. 1945. no. 5–6, pp. 11–34. (in Russ.).
- Borodaev V. B., Kontev A. V. *Anketnye materialy V. N. Tatishcheva: istoriya sozdaniya publikuemykh istochnikov* [Biographical materials B. N. of Tatishchev: history of creation of the published sources]. *Istoriko-geograficheskie opisaniya Verkhnego Priobya i Priirtyshya 1730–1740-kh godov (po anketam V. N. Tatishcheva): sbornik dokumentov – Historical and geographical descriptions of Top Priobya and Priirtyshje of the 1730-1740th years (under V. N. Tatishchev's questionnaires): collection of documents*. St. Petersburg: «Yevropeyskiy dom» Publ., 2010, pp. 5-30. (in Russ.).
- Elert A. Kh. *Narody Sibiri v trudakh G. F. Millera* [The people of Siberia in G. F. Miller's works.]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 1999, 240 p. (in Russ.).
- Etnologiya* [Ethnology]. Moscow: «Akademicheskiiy proekt» Publ., 2006. 624 p. (in Russ.).
- Fermoylen Kh. F. *Proiskhozhdenie i institutsionalizatsiya ponyatiya Volkerkunde (1771–1843). Vozniknovenie i razvitie ponyatij «Volkerkunde», «Ethnographie», «Volkskunde» i «Ethnologie» v kontse XVIII i nachale XIX vekov v Yevrope i SShA* [Origin and institutionalization of the concept Völkerkunde (1771-1843). Emergence and development of the concepts «Völkerkunde», «Ethnographie», «Volkskunde» and «Ethnologie» at the end of XVIII and the beginning of the XIX centuries in Europe and the USA]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic review*. no. 4, 1994, pp. 101-109. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Colonization phenomenon]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2015, 592 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Severnaya perspektiva v istorii Rossii* [Northern prospect in the history of Russia] *Sotsialnye transformatsii v rossiyskoy istorii*. Ekaterinburg–Moscow: «Akademkniga» Publ., 2004, pp. 476-485. (in Russ.).
- Heidemann F. *Ethnologie. Eine Einführung* [Ethnology. An introduction] Göttingen: Vandehoek und Ruprecht UTB, 2011, 285 s. (in German).
- Kisser T. S. *Etnograficheskie kriterii v sistematike narodov I. G. Georgi* [Ethnographic criteria in systematization of the people of I. G. Georgi]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*. 2014. no. 8 (36). Part 1, pp. 61-64. (in Russ.).
- Köhler M. *Russische Ethnographie und imperiale Politik im 18 Jahrhundert* [Russian ethnography and imperial politics in 18 centuries]. Göttingen: V&R unipress Publ., 2012, 298 p. (in German).
- Kopelevich Yu. Kh. *Yekaterina II i Akademicheskije ekspeditsii 1768–1774 gg.* [Catherine II and Academic expeditions of 1768-1774.]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Yekaterina Velikaya: epokha rossiyskoy istorii»*: Tez. dokl. – International conference «Catherine the Great: era of the Russian history». Theses of reports. St. Petersburg, 1996, pp. 40-43. (in Russ.).

- Manshteysh Kh. G. *Zapiski o Rossii* [Notes about Russia]. Perevoroty i voyny – Revolutions and wars. Moscow, 1997, pp. 9-272. (in Russ.).
- Markov G. Ye. *Nemetskaya etnologiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [German ethnology. Manual for higher education institutions]. Moscow: Akademicheskie proekt Publ., 2004, 576 p. (in Russ.).
- Miller G. F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian people]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2009. 456 p. (in Russ.).
- Naarden B. *Nikolaas Vitsen i Tartariya* [Nikolaas Vitsen and Tartariya]. Vitsen N. Severnaya i vostochnaya Tartariya. Vol. 3. Amsterdam: Pegasus Publ., 2010. pp. 35-137. (in Russ.).
- Napolskikh V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messershmida* [Udmurt materials of D. G. Messershmida]. Izhevsk: «Udmurtiya» Publ., 2001, 224 p. (in Russ.).
- Nashchokin V. A. *Zapiski* [Notes] Imperiya posle Petra – The empire after Peter (1725–1765). Moscow: Fond Sergeya Dubova Publ., 1998, pp. 225-384. (in Russ.).
- Nauchnoe nasledie P. S. Pallas. *Pisma 1768–1771 gg.* [Scientific heritage of P. S. Pallas. Letters of 1768-1771.]. St.Peterburg: Tialid Publ., 1993, 241p. (in Russ.).
- Stralenberg F. I. *Severnaya i vostochnaya chast Yevropy i Azii* [Northern and east part of Europe and Asia]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: In-t istorii SSSR AN SSSR Publ., 1985, 220 p. (in Russ.).
- Tokarev S. A. *Istoriya russkoy etnografii: Dooktyabrskiy period* [History of the Russian ethnography: Pre-October period]. 2-e izd. Moscow: «Librokom» Publ., 2012, 456 p. (in Russ.).
- Tokarev S. A. *Pervaya svodnaya etnograficheskaya rabota o narodakh Rossii* [The first summary ethnographic work about the people of Russia]. Vestnik Moskovskogo universiteta, no. 4, 1958, pp. 113-128. (in Russ.).
- Vishlenkova Ye.A. *Vizualnoe narodovedenie imperii, ili uvidet russkogo dano ne kazhdomu* [The visual ethnography of the empire, or is allowed to see the Russian not to everyone]. Moscow.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 384 p. (in Russ.).
- Vitsen N. *Severnaya i vostochnaya Tartariya* [Northern and east Tartariya]. Per. s goll. V. G. Trisman. Vol. 1–3. Amsterdam: Pegasus Publ., 2010, 621; 1225; 579 p. (in Russ.).
- Yefremov Yu. K. *P. S. Pallas* [P.S. Pallas] Otechestvennye fiziko-geografy i puteshestvenniki – Domestic fiziko-geographers and travelers. Moscow, 1959, pp. 132-145. (in Russ.).
- Zagrebin A. Ye. I. G. *Georgi i pervaya svodnaya monografiya po etnografii narodov Rossii* [I. G. Georgi and the first summary monograph on ethnography of the people of Russia]. Voprosy istorii – History questions. no. 6, 2007, pp. 155-159. (in Russ.).
- Zapiski puteshestvennikov i issledovateley (vtoraya polovina XVII – XVIII vv.)*. [Notes of travelers and researchers (second half of the XVII– XVIII centuries).]. Vol. I. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo Publ., 2007, 480 p. (in Russ.).

«Свадьба в Ледяном доме». Художник В. И. Якоби, 1878 г.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

Гравюры из книги Георги И. Г. Описание народов. Ч. III. СПб., 1776. Таб. 2, 72